

Мама
БОГРАШ

В Плаз'е только девушки

Мила Бограш

В Плаз'е только девушки

«АСТ»

2013

Бограш М.

В Plaz'e только девушки / М. Бограш — «АСТ», 2013

Аркан Таро «Разрушенная башня» означает внезапный крах. Но почему эта карта выпала неудачнице Вере именно тогда, когда ее жизнь стала налаживаться?! Судьба привела ее в агентство Plaza, которому требуются именно такие, как она, – невзрачные скромницы. У нее наконец-то появилась престижная работа, зарубежные командировки, новые друзья. Неужели все это рухнет в одночасье? Нет, она будет делать все возможное и невозможное, чтобы этого не случилось. Но попытки робкой Веры противостоять роковым силам закончились трагически – ее нашли мертвой на курорте Гоа. Кому помешала жизнь этой неприметной девушки? Но все, кто пытался разгадать тайну ее смерти, тоже неожиданно погибали. Эта цепная реакция странных смертей – не разгадка ли страшной тайны?

© Бограш М., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	35
За три месяца до...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ми́ла Бограш

В Plaz'е только девушки

*«По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презрением, зевая, на землю толкает
Несчастных случайных невежд...»*

Са́ша Черный «Опять»

«Убивать тебя будут такие же люди...»

Валерий Белов

Пролог

Корова на пляже задумчиво жевала ананас. Со своего лежака я лениво наблюдала, как ловко она перевернула чью-то одинокую сумку. Плод выкатился на песок, телка слямзила его и теперь уплетала, как наш заяц-русак кочерыжку. Повеяло душистой сладостью. Легкий морской бриз с ананасовым привкусом заставил меня блаженно зажмуриться.

Ин-ди-я-я-я...

Нет, я, конечно, могла бы отогнать наглую буренку, спасти чужое добро. Но я не сторож ближнему своему. И вообще... Удивительное рядом, буквально по соседству, удивительное. Чего ради лишать себя редкого зрелища? Где еще скотина кормится ананасами? Не в ближайшем же Подмосковье.

Ин-ди-я-я-я...

Что-то библейское было в этом действе. Я с любопытством покосилась на коровью «Еву». Чужой запретный плод она уже познала. Умело сняла колючую кожу и смачно надкусила поруганный фрукт. На морде ее было написано райское наслаждение.

Ин-ди-я-я-я...

Я с совестью чистой, как освобожденный от кожуры ананас, продолжала наблюдать за процессом животного насыщения. Корова тщательно пережевывала пищу и так самозабвенно слизывала розовым языком нежный сок, что я невольно сглотнула. От мерного движения коровьих челюстей можно было впасть в упоительный транс. Я снова прикрыла глаза и погрузилась в первозданную нирвану...

Ин-ди-я-я-я...

– Да что ж это творится-то?!

На меня легла тяжелая тень. Я приподняла сонные веки посмотреть, кто заслонил мне солнце. Громадная бабища в мокром купальнике уставилась на корову. Та, понятно, на глупый вопрос отвечать не стала. Я положила руку под голову и устроилась поудобнее: просто чумовое зрелище! Картина неизвестного художника – «Смерть ананаса».

– А вы что смотрите?! – разъяренная от потери пищи фурия обратила свой несправедный гнев на меня.

– Смотрю... – безмятежно улыбнулась я.

– Гнать ее надо!

– Не надо, – ласково возразила я неукротимой мегере, – корова на своей земле. Она – гражданка Индии. В отличие от вас... – напомнила я на всякий случай.

– Вы что, издеваетесь?! – Эта сварливая тетка была склонна к скороспелым выводам (тьфу, опять фруктовое сравнение).

– Нет, – перевернулась я на живот, – просто загораю.

– Кыш, зараза! – замахнулась мегера на притихшую буренку.
– А вот это вы зря... – лениво заметила я.
– Почему? – зыркнула тетка недоверчивым глазом.
– Вас могут скормить крокодилам, – предсказала я ее вероятное будущее.
– Да ты чего? – застыла она с открытым ртом. Хотелось заткнуть его вихрастой ананасовой макушкой, чтобы не переходила на личности.
– Ничего. Оскорбление коровы действием здесь карается строго. Это священные животные.
– А им, выходит, все можно? – бесновалась бабища.
– Да, – кивнула я. – Они боги.
– А ты больно умная? – догадалась тетка, но от буренки опасливо отодвинулась.
Я промолчала. Есть вопросы, на которые нельзя ответить ни «да», ни «нет».
От ближайшего кафе к нам уже бежал индус. Он проворно отогнал насытившуюся корову и что-то быстро залопотал взъерошенной тетке. Она не поняла. Я тоже.
Все. Представление окончено. Пойти искупаться, что ли? За свой ананас я не боялась. Не было у меня ананаса. Мне его купить было не на что.
Ин-ди-я-я-я...
Incredible India...¹

---

¹ Невероятная Индия (англ.).

Глава 1

Великий Слесарь из Мумбая

Юркий мальчишка сновал в пробке между машинами, размахивая яркой книжкой. На боку висела оттопыренная сумка, полная покетбуков.

– Новый бестселлер Егора Крутова! Покупайте! Последний боевик короля детективов! – звонко выкрикивал шкет.

«Вот засранец, – подумал Еремей, – тронется поток, отскочить не успеет».

– Дяденька, купите...

Вихрастый прилип к его бамперу. Еремей опустил боковое стекло:

– А ну, кыш отсюда! – прикрикнул грозно. Не хватало еще покупать собственный роман.

– Купите, дяденька. «Судьба без тормозов». Недорого...

– Ладно, давай! Только быстро. Эту – «...без тормозов».

Он достал сотню и протянул в окно.

– ...И сваливай, пока самого не тормознули.

Впереди зажегся желтый. Парнишка засуетился. Сунул в окно книжку. Начал торопливо доставать из кармана смятые десятки.

– Сдачи не надо, – заторопил его Еремей, – живо с дороги!

Поток двинулся. Пацаненок ловко увильнул от суетливого «жигуленка». Хитрожопый водила, видя, что машина спереди замешкалась, нахально подрезал Еремея. Тот дал по тормозам. Но не успел. Бампер его «бэхи» крепко впечатался в задницу «девятке». Переднее стекло BMW, противно скрипнув, треснуло, кажется, даже осколок отлетел.

– Ты что, козел, внаглую лезешь! – высунулся Еремей.

– А ты, еханий бабай, заснул, что ли? – огрызнулся водитель «жигуленка».

Обычный диалог. Все правы. Пусть ГАИ рассудит. Пока ждали «архангелов», Еремей раскрыл только что купленную книжку.

«Душно...» Белов не мог заснуть. Он не любил все эти кондиционеры, евроокна – искусственный комфорт без звуков, без запахов, рай в целлофановом пакете. Белов встал, не зажигая света, подошел к окну. К стеклу, точно настырная илюха, тесно прижалась ночь. Он открыл створки и машинально отодвинулся, выпуская ее в комнату. И она вошла – черная, душиная, жаркая, шумная. Комната наполнилась громом петард, буханьем дискотеки, смехом отдыхающих. Он принялся, как пес, запах незнакомых пряных цветов и близкого океана дурманил голову. Следовательно по особо важным делам Белов заслужил эту ночь. И этот остров в океане он заслужил. И отдых тоже.

КлавдЕя – верный друг черепашка подползла к нему, ткнулась в шлепанец.

– Пора спать, Клавдя, – погладил он ее по рельефной прохладной спинке, – завтра встанем пораньше – и к морю-океану. На твою историческую родину...

Утром его нашли в номере мертвым. Клавдеи рядом не было. Смерть следователя Белова была неожиданной и странной, как и дела, которые он вел. Но его гибель предстояло расследовать уже другим...»

«...Прощай, Белов. Служил ты недолго, но честно».

Еремей хлопнул рукой по последней странице. На бумаге отпечаталась кровь. Его кровь.

– А, блин... – поморщился он. Видно, поранил палец об осколок треснувшего стекла.

Вытер руку гигиенической салфеткой.

В окно постучали. Это был гаишник.

– Не помешал? – кивнув на раскрытую книгу, язвительно осведомился он. – Вы, я вижу, зачитались? За рулем...

Еремей вышел, протянул ему свой rocket.

– Что это? – нахмурился инспектор.

– Моя новая книга. Дарю, – широко улыбнулся Еремей.

– Ничего себе! – по-детски наивно восхитился инспектор, глянув на обложку с фотографией Еремея. – Вы что же, сам Крутов?!

Еремей скромно поправил:

– Я, вообще-то, не Крутов. Я – Гребнев. Крутов – мой псевдоним.

Он протянул инспектору ксиву.

– Так я же все ваши книги собираю. Подсел прям, – распинался гаишник, – теперь похва-
стаю: к самому Крутову выезжал. Подпишите, пожалуйста.

– С удовольствием.

Еремей открыл книгу и размашисто расписался: «Гребнев, он же Егор Крутов, удачи!».

Увидел на странице отпечаток своего пальца, поморщился:

– Извините, испачкал слегка, – он показал пораненный палец.

– Так это... Прям дактилоскопия ваша, – еще пуще обрадовался инспектор.

Вслед за книгой Еремей протянул гаишнику права. Тот глянул, вернул ему документы и всем своим мощным телом повернулся к водителю «жигуленка». Тот стоял невдалеке, разговор их слышал, поэтому сник.

– Ну, что? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил «архангел», подходя к нему. – Нарушаем, значит? Совершаем обгон не по правилам?

Через полчаса все было закончено. Дальше предстояло получить справку для страховой компании, потом страховку. Вот не было печали...

«А может, зря я его убил?.. – уезжая с места происшествия, подумал Еремей про своего «важняка» Белова. – Мог бы еще пожить».

И, словно отвечая на его мысленный вопрос, глаз зацепился за рекламу какой-то жратвы: «Съел – и порядок». Еремей рассмеялся, решил: «Точно. Зажился Белов. Нельзя больше». Прочитав вовремя подвернувшуюся рекламу, почувствовал, что попал в орбиту информационного оракула – так он называл необъяснимую ситуацию, когда первое услышанное слово, вывеска, строка из песни дает ответ на самый насущный вопрос. Такой вопрос у него был – дальше-то что? Рискнуть или...

Он ехал, присматриваясь к вывескам: «БанкЪ», «Макдоналдс», «Аптека» – внятного прогноза пока не было. «Оракул» не торопился решать Еремину судьбу. Медлил «оракул». Вдруг в широком окне первого этажа мелькнул разухабистый слоган какой-то турфирмы: «*Живешь снова – махни на Гоа!*!». Еремей усмехнулся: «Вот он – ответ». И припарковался у входа в турагентство.

Интересно, если с утра звонит следователь – это к чему? На моем определителе алым, как адские письма, проступил номер «важняка» Вячеслава Ивановича Рикемчука. Вот так, наверное, рождаются новые приметы. Однако, не припомнив за собой особых грехов, я храбро сняла трубку.

– Слушаю...

– Здасьте, Василиса, – елейно поздоровался он, и мне стало совсем нехорошо. Что это с ним? «Здравствуйте» – редкое слово в устах Рикемчука. Оно выпало из его лексикона, как постепенно исчезли динозавры в ходе эволюции. У следователя, похоже, это было профессиональное. Действительно, странно желать здоровья тому, кого собираешься отправить на лесоповал. Обычно, опустив пожелания здоровья, Вячеслав Иванович сразу переходил к делу. Но сегодня, видно, было исключение из его правил. Я ждала. – Василиса, – с какой-то необъяснимой робостью сказал Рикемчук, – у вас не найдется для меня немного времени?

Ага, нашел дуру! Кто ж ему откажет? Скажешь, что занята, мигом положение исправит. Как говорится, в тюрьме свободная минутка будет. Это я шучу, конечно, но в каждой шутке...

– Для вас – всегда, Вячеслав Иванович! – сразу откликнулась я на его невнятный призыв. И чуть было не добавила: «Да я готова не только свое время, вечность положить к вашим казенным сапогам». Но сдержалась, не стоит слишком обнадеживать.

– Не могли бы вы заехать ко мне. Ненадолго...

Это было существенное уточнение, от меня большого героизма не требовалось.

– Всегда готова!

– Василиса – «юный друг милиции», – поощрил он мой порыв своим казенным юмором, – жду вас... Часика через два. Только без кошек, если можно.

– Ладно, захвачу с собой по дороге какого-нибудь бродячего «мухтара» – это вам ближе, – парировала я, но четко отрапортовала: – Есть, без кошек!

Вообще-то, я с кошками к следователю Рикемчуку никогда не приходила. Хотя могла бы. Дело в том, что я владелица фирмы «Кошкин дом». Наши коты обслуживают новоселов – по традиции первыми входят в новую квартиру, даруя переселенцам смутную надежду на счастливое будущее. Но эта примета, увы, сбывается не всегда. Иногда на смену ласковым котам приходит суровый Рикемчук. Казалось бы, что общего между мной, котами и полицией?

Дело в том, что по основной своей профессии я журналист и продолжаю сотрудничать с отделом криминальных происшествий газеты «Бизнесмен» – пишу статьи и книги на криминальные темы. Поэтому для встреч с Рикемчуком у меня было столько поводов, что у нас постепенно сложились почти приятельские отношения. Я говорю «почти», потому что по-настоящему уважал Вячеслав Иванович только родной УК. Был Рикемчук неподкупен ни друзьям, ни врагам, ни олигархам заезжим – редкий талант в наше время. И вдруг это его: «Не могли бы вы...». Я была сильно заинтригована.

Ровно через два часа явилась на свидание. Пропуск мне был заказан. Спустя два лестничных пролета и коридор я уже могла не только слышать следователя, но и лицезреть его лысину, а также пронизывающий взгляд и подозрительно смущенную улыбку.

– Присаживайтесь, Василиса. Сейчас я вам чайку налью...

Что это с ним? Робеет, краснеет, чашками звенит – не влюбился ли часом? Я скептически оглядела тесный казенный кабинет, где скукожилась даже герань на подоконнике. Для любви место не самое подходящее. Но таковы женщины. По извечной своей логике любые изменения в поведении мужчины мы склонны объяснять прежде всего его страстным томлением. Это приятнее и понятнее нашей романтической душе. Я не отрицаю: конечно, кроме любовных мук, бывают и творческие искания, банкротства, дефолты, строгие выговоры, футбольные проигрыши... Даже пережаренная яичница способна вывести представителей сильного пола из равновесия. Умом я допускаю, но сердце девичье отказывается верить, что столь приземленные причины вызвали разительные перемены в брутальной личности Рикемчука.

Я пристально взглядела в неузнаваемое лицо следователя.

– Вячеслав Иванович, вы как себя чувствуете? – начала издалека.

– А что, заметно? – правильно истолковал он мое недоумение.

Я неопределенно пожала плечами: что спрашивать, если сам видишь?

– У меня такое впервые, Василиса, – признался он.

О Господи! Неужто и вправду... Вот тебе и лысый слуга Закона – «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный». Воистину, любви все должности покорны.

– Решил с вами посоветоваться... Насчет этого самого...

Я присанилась от его доверия и мягко улыбнулась. Ну кому же ему, бедняге, рассказать о внезапно нахлынувшей страсти, как не мне? Не жене же. Начальство тоже вряд ли одобрит и

вынесет поощрение в приказе. А ему ведь, по себе знаю, выговориться хочется, поплакаться на дружеском плече. Надо бы его ободрить, влюбленные так ранимы. Начну, пожалуй, с главного.

– Как ее зовут? – понимающе улыбнулась я.

– Название, в смысле? – переспросил он.

– Название? – удивилась я.

Впервые слышу, чтобы у девушки было «название». Может, я ослышалась и он «звание» имел ввиду? Нескладно выразился, но ведь влюбленные так косноязычны. Видно, сослуживица его с ума свела. А может, э... э... сослуживец? Правда, Рикемчук женат. Но это не важно. Вот великий князь Константин Константинович девять детей имел, был примерный семьянин, а подлинную страсть испытывал только к своим гвардейцам. И у нас сейчас время толерантное...

Я взгляделась в следователя пристальнее. Если так, есть причина умом двинуться, слова начать путать. Вот до чего рьяная служба доводит – до полной потери ориентации!

– У нее пока нет названия... – вздохнул он.

Все-таки, «у нее», слава богу! Хотя, что он городит – «нет названия»? У девушки?

Это как же? А паспорт? Без названия, тьфу! – без ФИО ей документ не выдадут. Может, он с инопланетянкой спутался? Сама недавно по ящику видела, как эти похотливые внеземные профуры людей похищают. У них там, видно, с нормальными мужиками напряженка. А Рикемчук, он как раз того... в самом соку.

Следователь в собственном соку продолжал меня интриговать:

– Вот вы, Василиса, как это делаете?

Я густо покраснела.

– Я понимаю... – тут же поправился он, заметив мою реакцию, – это процесс интимный.

– Ну... В общем, да, – промямлила я. И разозлилась. Может, хватит? Либо пусть расскажет все как есть, либо – до свидания. Меня в свои шашни нечего впутывать. Я сурово нахмурилась: – Вячеслав Иванович, давайте ближе к делу.

– Даже не знаю, как начать... – беспомощно посмотрел он на меня. – Думал, может, вы подскажете.

– Каждый начинает по-своему... – неопределенно отказалась я. – А вы как?

– Вот так: *«В текущем году процент раскрываемости преступлений резко поднялся, хотя возбужденных уголовных дел стало значительно меньше»*, – и робко спросил:

– Хорошо?

Я хохотала так, что чуть не свалилась под стол.

– Не понимаю вашей реакции, Василиса Васильевна, – нахохлился Рикемчук, подавая граненый стакан с минералкой.

– Извините, Вячеслав Иванович, – утирая слезы, я попросила повторить, – что там у вас резко поднялось, но не возбудилось?

– Процент и уголовные дела... – обиженно напомнил он.

Я постаралась взять себя в руки, заинтересованно спросила:

– Вы статью, что ли, в местную стенгазету пишете?

– Нет, – приосанился Рикемчук, – берите выше! Мне книгу заказали.

– Кни-и-гу?! – захлопала я глазами.

– Да, – мол, знай наших! – Мне позвонил главред издательства «Атас!». Сам, – победно посмотрел Рикемчук. – Предложил написать о буднях уголовного розыска. «Запускаем, – говорит, – новый проект. Надоели выдуманные триллеры, высосанные из пальца бестселлеры. Хочется правды жизни. Суровой и непредвзятой. Даю слово профессионалам. Пусть расскажут, как оно есть на самом деле. Без поворотов-наворотов, сюжетов на манжетах – «просто, грубо, зримо».

– Ну и...?

– Я, с дуру, согласился. Аванс получил. Через месяц принес им рукопись. Подробно все описал – сколько преступлений было раскрыто, сколько дел возбуждено, сколько чистосердечных признаний услышано...

– Приняли?

– Нет, – обескураженно развел он руками. – «Мы, говорят, другого ждали. Например, как мучительно вычисляли убийцу... А вы – про нудные совещания у прокурора. Думали, про хитроумные засады вспомните, про погони с перестрелками, а вы – «преступление удалось предотвратить». Что за криминальный роман без криминала...»

– И что вы им ответили?

– Я правду написал. Как просили. Главное у нас – своевременная профилактика! – Рикемчук строго посмотрел на меня. – Оттого и раскрываемость повысилась. Потерпевшие живы. Преступники обезврежены. Криминальная ситуация под контролем. Разве не интересно?

Я неопределенно улыбнулась.

– Вот и они с такой же улыбочкой... – надулся Рикемчук. – Драйва, говорят, нет. Суховато будет. В общем, дали время подумать. А если не придумаю, своего человека приставят, чтобы обо всем расспросил и за меня сочинил. Я сам, не способен, что ли? – перешел он, наконец, к сокровенному. – Хочу спросить вас, Василиса, что им нужно-то? Вы давно пишете, подскажите. Я уже голову сломал.

– Это называется «муки творчества», Вячеслав Иванович, – ехидно пояснила я неприличное для него состояние. – Думаю, в итоге им все тот же триллер нужен. Как у Егора Крутова, – назвала я самого популярного детективщика.

– Да там все чушь собачья! – взбеленился Рикемчук. – Тоже мне! «Я тебе судья», – назвал он нашумевший бестселлер. – Это как же понимать? Самосуд, что ли? А полиция? Судебные и следственные органы? Органы опеки и попечительства? Комиссии по делам несовершеннолетних, наконец, – это все, выходит, по боку? Ишь ты! Прыткий какой! Судья он... Да за одно такое название... Против этого писаки уголовное дело надо возбудить. Жаль, отдельной статьи за призыв к самосуду в УК не предусмотрено.

– Это зависть, Вячеслав Иванович... – мягко пожурела я начинающего сочинителя. – Зато у Крутова захватывающие сюжеты и нехилые тиражи.

– Да не нужно мне таких тиражей! – кипятился незадачливый автор.

– У вас их и нет. Как говорится: «По слову твоему будет...» С другой стороны, хлопот меньше, а то потиражные получать замучаетесь, – успокоила я его и добавила: – Я, кстати, с Еремеем Гребневым хорошо знакома.

– С каким еще Еремеем? – не понял он.

– Гребневым, – повторила я. – Это он пишет под псевдонимом Егор Крутов.

– Вон оно, значит, как... – усмехнулся Рикемчук. – Тогда все понятно! Такое городит, что под чужой фамилией вынужден скрываться. Мошенник.

– Это обычное дело, Вячеслав Иванович, – терпеливо продолжила я издательский ликбез, – вы тоже можете взять себе псевдоним.

– За чужую спину прятаться не привык. Ни от пуль, ни от читателей... – Вот так, через запятую, и перечислил. Видно, читателей он опасался не меньше пуль. И правильно делал, они тоже не пощадят.

– Я правду пишу, в отличие от некоторых, – буркнул следователь.

– Правда, Вячеслав Иванович, как сказал классик, бывает «хуже всякой лжи». Хуже издается, в смысле... – поправила я, увидев гнев на его лице.

– И где вы познакомились? Ну, с этим... Ере-ме-ем. – ревниво спросил следователь.

– В «Бизнесмене». Я там после журфака работала в отделе криминалистики. Вместе с Гребневым. Но он тогда уже матерый газетный волк был, а я так... На заметках из зала суда

подвизалась. Не могу сказать, что мы крепко дружили, но отношения были приятельские. Вместе пили на редакционных посиделках. Потом он ушел на вольные хлеба. Стал строчить криминальные романы. Быстро прославился. Вскоре и я уволилась. Открыла свой «Кошкин дом». А теперь, вы знаете, снова вернулась в газету, внештатно.

– Этот период вашей жизни мне хорошо известен, – перебил меня Рикемчук и с затаенным интересом спросил:

– Ну, и как он? Еремей этот... Супермен, что ли? Как в своих детективах?

– Да нет. Ему чуть за сорок. Крепкий такой, белобрысый, среднего роста. Тип вечного мальчика. Внешность не яркая, в отличие от фантазии.

– Вот именно, «фантазии», – ухватился за это слово Рикемчук, – а у меня все как есть, – не сдавался он.

– Про поднявшийся прОцент, согласна. – Я изо всех сил пыталась быть серьезной. – Но если бы вы красочно описали, как трудно вставал этот прОцент. Как набирал силу. Как выпрямил наконец свою могучую плоть... Наверное, это было бы впечатляюще.

– Вам бы только ерничать, – нахмурился следователь. Почему-то мои слова вызвали у него странную ассоциацию и он неожиданно спросил: – А ваш муж сейчас где?

Мой муж Дмитрий Панин работал начальником охраны по транспортировке грузов в крупной внешнеторговой госкорпорации. Дома бывал не часто. И в данный момент тоже находился в длительной командировке.

– Он в отъезде... – сдержанно ответила я. Какое Рикемчуку дело до моего мужа?

– Ага! – обрадовался он. – Значит, вы свободны? В смысле, от всяких семейных дел?

Я недоуменно посмотрела на него. С чего это он о моих «семейных делах» печется? Ответ не заставил себя ждать.

– Может, мы это... Василиса, – опять начал он двусмысленно на что-то намекать.

– Что «это»? – не поддавалась я на провокацию. Раз обманувшись, уже ничего хорошего не ждала от этого сухого служаки.

– Ну... Вместе с вами ... – Он отвел глаза.

– Что «вместе»? – грозно вперилась я в него.

– У вас же складно получается... А я вам аванс отдам... – неумело соблазнял он.

– Нет! – я сразу пресекла попытки втянуть меня в свальный грех совместного творчества.

– Почему? – безнадежно спросил он.

– Не могу, – обрубил я концы. – Завтра улетаю. Мне, между прочим, тоже отпуск положен, Вячеслав Иванович. Летом не сложилось, хоть теперь на солнышке погреться. Пока муж в отъезде...

– Это где же? Греться-то? Конец ноября... Вроде как не сезон... – Рикемчук глядел уже задумчиво и отстраненно, как вслед перелетным птицам.

– В Индию. На Гоа. Там всегда сезон – лето, переходящее в лето.

Он вздохнул, закрыл папку и спрятал недоношенный плод своих творческих усилий в рабочий стол.

– Ну, ни пуха ни пера, – пожелал он мне на прощание.

Как накаркал...

Разговаривали мы с Рикемчуком два дня назад, а казалось, в какой-то прошлой жизни. Теперь у меня была одна забота – вернуться бы обратно, на Родину. Со мной здесь такое приключилось, что, похоже, отрезало все пути назад.

Где-то я прочитала, что побережье Гоа – место особое. Десять дней прожить в этом зеленом раю – мало, а если больше, захочется остаться навсегда. Мне оставаться совсем не хотелось, но выбора у меня, похоже, не было. Каждый мой день проходил в бесплодном ожидании. Я ждала ЕГО. Ждала с тех пор, как приехала на Гоа. Мне казалось, что я навечно обречена

смотреть в даль, как Ярославна на крепостной стене. С одной лишь разницей – Ярославна ожидала своего князя. А я ждала СЛЕСАРЯ.

По российскому опыту знала, что слесаря можно ждать долго. Но если в России поэт больше, чем поэт, то в Индии, слесарь больше, чем слесарь. В первый же день я потеряла ключи от гостиничного сейфа. А в сейф, как водится, по приезде положила деньги, обратные билеты на самолет, ключи от дома, медицинскую страховку и... свои надежды на прекрасный отдых в Incredible India... При себе я оставила только триста рупий.

Меня обокрали в ближайшей же фруктовой лавке, где я присмотрела невероятный ананас. Я не могла наглядеться на это огромное желтое чудо в перьях-листьях. Такой плод мог вырасти только в садах Эдема. Я бережно держала его в руках, положив кошелек у кассы и блаженно прикрыв глаза, вдыхала запах нежный, как от губ гурии, вкусившей нектар.

Потом началась суровая проза – ананас у меня в руках остался, а вот кошелек и след простыл. Кто его стянул, торговец не видел, а может, сам и стащил, пока я, как последняя дура, наслаждалась ароматерапией.

Но в тот миг я еще не сильно переживала. В пропавшем кошельке лежали те самые триста рупий и ключи от сейфа. Последнее, конечно, было неприятно. Потому что на ресепшен сразу по приезде я заметила грозную табличку: «*За потерю ключей от сейфа – штраф пять тысяч рупий*». Сто долларов в переводе на международный эквивалент. Не хотелось, конечно, за здорово живешь лишиться ста баксов, но что поделаешь. У меня оставалась еще тысяча с лишним. На эти деньги в Индии можно жить долго, счастливо и вернуться в магазин – судьбе назло купить тот самый злополучный ананас.

Я поспешила в отель. Вздвинуто, путая английские и русские слова, рассказала о своей беде – попросила открыть сейф. Пока моим ненаглядным ананасом не насладились другие. Сотрудница отеля внимательно выслушала меня и, грустно улыбнувшись, сказала:

– It's impossible...

– Что невозможно? – не поняла я: – Открыть сейф? Почему? Нет клерка, у которого второй ключ?

Дело в том, что сейф в отеле был необычный. Открывать его полагалось двумя ключами. Один был у служащего, другой – у владельца ячейки. Я была уверена, что есть и третий, запасной. На тот случай, если растяпа-турист, вроде меня, лишится своего ключа.

– Вот!

Она достала из ящика ключ от моей ячейки и, словно дразня, повертела им перед моим носом.

– А еще один? – нетерпеливо спросила я.

Сотрудница что-то залопотала на таком англо-индийском наречии, что перевести его я была не в силах.

Видя мою растерянность, подошел еще один клерк и на сносом русско-английском все объяснил. Запасного ключа в отеле нет. Никогда не было и быть не может. Иначе каким образом отель может гарантировать сохранность денег, если ключей будет видимо-невидимо? Я его слова перевозжу вольно, но смысл был именно такой. Теперь, чтобы открыть мою дверцу, взамен потерянного, надо сделать новый ключ.

– Делайте! – согласилась я.

– No. Наша, – ткнул он в себя пальцем, – не можно...

– А кто может?

– Слесарь из Мумбая.

Так я впервые услышала эти магические слова. Но тогда еще до конца не осознала все могущество и величие этого незримого властелина ключей.

– Почему из Мумбая? – удивилась я.

Мумбай был в трехстах километрах от места, где я остановилась. А приморский городок – вот он, в двух шагах. Неужели нельзя вызвать мастера отсюда?

– Но, – горестно покачали головой клерк-полиглот и грустная индийская девушка, – ключ делать слесарь из Мумбая. Мы не имеем права.

Все это напоминало начало сказки про волшебные яблоки. Чтобы их сорвать, надо отправиться в тридевятое царство. Я всегда удивлялась, когда в детстве слушала эту непонятную историю. Почему те самые яблоки нельзя было набрать в местном саду? Что за сорт такой, что его невозможно культивировать у себя на приусадебном участке? Но так же, как нельзя было, не отходя от дома, отведать удивительных яблок, не мог сделать мой потерянный ключ никто, кроме слесаря из Мумбая.

– И когда же он... Сколько его ждать? – наконец осознав всю глубину постигшей меня неудачи, спросила я.

– Один... Два... – показала на пальцах индианка.

– Два дня!

Возмущению моему не было предела.

Она кивнула.

– А как мне жить? У меня денег нет... Совсем... – демонстративно вывернула я карманы. – И подзарядка в сейфе. Телефон того и гляди вырубится. Я даже в Москву позвонить не могу.

В отеле я заказала только завтраки, и теперь костлявая рука голода приветливо помахала мне со стороны Мумбая.

– Деньга нет? – огорчился за меня клерк и нахмурился.

Я подумала, что он переживает за мою судьбу. Но его волновало совсем другое.

– Деньга нет – сейф не открыть...

– Почему?

Похоже, он решил меня уморить прямо сейчас, чтоб не мучилась.

– Открыть сейф – пять тысяч рупий, – он ткнул пальцем в объявление.

Я видела. И не собиралась уклоняться от индийской обираловки. Так и сказала:

– Приедет ваш слесарь, достанет из сейфа деньги, я ему заплачу.

– Но, по! Нельзя... – заволновался он. – Сначала деньга... Потом сейф.

Вот тут я поняла: мне настал конец. Вся моя не слишком долгая, тридцатилетняя, жизнь промелькнула перед глазами. Разрешить парадокс было не по силам даже великим индийским богам. Чтобы получить свои деньги, надо открыть сейф. Но сейф отомкнут тогда, когда заплатишь за это деньги. А деньги в сейфе. Но сейф закрыт. А деньги... Закружилась голова. Клерк успел поддержать меня, усадил в кресло, смочил мои виски водой из расписной глиняной миски с плавающими лепестками роз.

Я пришла в себя. Но уже совсем другим человеком. Человеком, которому предстоит решить неразрешимую задачу. У меня даже внешность изменилась. Вместо веселой легкомысленной мордашки в зеркале было насупленное чело гения парадоксов. Мне показалось, что у меня седеют и редеют волосы, как у автора теоремы Ферма, начинает пробиваться борода, как у Леонардо да Винчи, а взгляд становится печальным, как у Льюиса Кэрролла, певца зазеркалья.

Incredible India свела меня с ума...

Никогда не выясняйте отношения натошак. Голод – враг логики.

– Ты это твердо решил? – спросила она спозаранку.

– Что «это»?

Еремей стоял у распаханного холодильника и думал совсем о другом. Марта подкралась незаметно, как кошмар всех писателей – маразм, и теперь смотрела на него, прислонясь к кухонной двери.

– Ты уезжаешь без меня?

– Мы же обо всем договорились... – поморщился Еремей.

Он нарушил собственное правило – никогда не устраивать «прощальную ночь». Черт его дернул вчера оставить Марту у себя. Вечером она вполне мирно восприняла известие о том, что он решил поехать на Гоа. Один. Без нее. А вот утром до нее дошло...

Ему везло на женщин. Вернее, не так. Ему везло на «сезонных женщин» – как он их называл. Он старался выбирать подруг, в чьих именах была какая-то временная заданность – Майя, Юлия, Августа, у него была даже Октябрина. Нет, встречались, конечно, и другие – Ани, Тани, Мани, но на них его внимание не фокусировалось. А «месячные» (он хмыкнул) подруги были его фишкой.

Первой была Майя. И встретил он ее тоже в мае. Может, потому и запал на имя. А расстался в июне. Майя была замужем за военным и приехала из далекого гарнизона на месяц «посмотреть столицу». Такие вояжи похожи на ритуальное действие – провинциалы непременно стремятся посетить сакральные места Москвы – метро, ГУМ, Кремль, Воробьевы горы, Арбат...

Встретились они на пути ее паломничества – он вышел из машины у Никольской купить сигарет. Она подошла и спросила, как добраться до Арбата. В тот день спешных дел у него не было и он подвез симпатичную незнакомку. Сначала показал Арбат, а потом свою квартиру. Ей там гораздо больше понравилось. На следующий день Майя из гостиницы переехала к нему. А спустя месяц, нежно поцеловав на прощанье, отбыла в свой северный городок. Еремей даже не спросил его название. Все было, как в рекламе – «просто и вкусно». Это запомнилось. Правда, больше таких совпадений – имени и соответствующего месяца не случалось. Но с тех пор «календарные» девушки вызывали в нем особый трепет. Ему казалось, что в самих их именах заключена мотыльковая мимолетность, необременительная страсть и сиюминутность любви.

Коллекционировал ли он их? Неважно. Он был слишком занят и слишком ленив, чтобы тратить на женщин больше времени, чем нужно. Своим временным подругам ничего не обещал и от них обещаний не требовал. Так было честнее и проще. Нет, с некоторыми из них он был не один месяц. Но всегда наступало время, когда женщина уходила. Или он уходил от нее. У каждой был свой срок. Это он знал с самого начала.

И вот теперь – Марта. С Мартой он познакомился в декабре. Когда девушка назвала свое имя – сердце сладко дрогнуло, как у охотника, узревшего дичь, как у рыбака, взглянувшего на подрагивающую леску. Это была **его** девушка. Она была с ним дольше всех – почти год. Слишком долго для сезонной спутницы. «А может, я сам настраиваю себя на скоротечность отношений?» – с некоторым сожалением подумал он. Но эта мысль ничего не меняла – Марта зажилась у него. Не то, чтобы она ему надоела... Хуже. Он начал к ней привыкать. Это его раздражало, потому что нарушало правила игры, которую сам же придумал. Игра в календарных девушек была захватывающей, и обрывать ее именно на Марте не хотелось. Ведь есть еще Юния, Ноябрьрина, Януария, Феврония и даже чудесное сербское имя Апреля. Можно было расширить рамки и включить в список Снежану, Весняну, Цветану, Осенину... Почему надо заикливаться непременно на Марте? К тому же Марта уходить не собиралась. Она вдруг уверовала, что он – ее судьба. Даже чертила их общие астральные карты. Ему очень хотелось подрисовать черточку в этих судьбоносных схемах – что тогда будет? Так и подмывало щелкнуть по носу несостоявшегося астролога.

Вообще-то у каждой из его сезонных дам была своя заморочка.

Юлия была помешана на психологии, хотя работала бухгалтером. Какое отношение заковыристая психология имела к ее сухим квартальным отчетам, он понять не мог. Но почему-то каждое его слово она крутила так и эдак. Ей мало было его брэнной плоти, она мечтала залезть внутрь – в душу, в подсознание. Прочно обосноваться там на оголенных нервах, скрытых ком-

плексах, потаенных инстинктах. Она все время переспрашивала: «Что ты имел в виду?» Даже когда он просто предлагал ей переспать. В итоге он понял, что ему остается одно – либо стать глухонемым, либо выгнать Юлию к какой-то матери. Он выбрал последнее. Не попрощавшись, уехал к морю, чтобы не услышать напоследок, что он имел в виду? Когда вернулся, она уже препарировала подсознание другого козла.

Августа была стоматологом, помешанным на кулинарии. Когда она вылечила все его зубы, он возликовал. Всегда боялся дантистов. Дома Августа изобретала самые невероятные рецепты – салат из ветчины с виноградом, жареный хлеб с чесноком и фасолью, чай с нутряным медвежьим салом, огурцы с медом. Иногда было вкусно, иногда – с души воротило. В любом случае надо было хвалить. Ему надоело. Он поспешил обратиться, пока, спасибо Августе, зубы целы и не отравился сырой строганиной или вареными мухоморами. Ее опасным хобби он был сыт по горло.

Кстати, его первая, Майя, была кладовщица и... сочиняла стихи. Но не хранила их в закромах души, а, в противовес основной профессии, щедро делилась незрелыми плодами вдохновения. Чтобы жить с самодеятельным поэтом, надо быть лесорубом или грузчиком. Засыпать в любом положении, чтобы не слышать навязчивого бормотания. А он был писателем. Ее вирши с наивными рифмами и незатейливым смыслом скоро стали мучить его, как ноющий зуб, который впоследствии удалила Августа. Хорошо, что Майя вовремя уехала...

Октябрина, налоговый инспектор, была помешана на цветах. Сначала его это умиляло. Глядя на нее, он все время вспоминал библейское – лилии не ткнут, не прядут, налогов не платят, а живут лучше, чем Соломон во славе своей. Но когда квартира превратилась в филиал джунглей, он стал чахнуть. Растения вытесняли его и, казалось, выпивали все жизненные соки. А что? Есть такие цветы, которые засасывают свои жертвы и не выпускают до тех пор, пока не опустошат до костей. Он уехал в тропики, где тамошние лианы не покушались на его жизненное пространство, там было не тесно ни ему, ни пальмам с кактусами.

И вот – Марта. С ней он познакомился в издательстве. Марта редактировала его рукописи, смотрела робко и восхищенно. Этот взгляд доставлял особое удовольствие. Приятно делать добро. Ему нравились женщины, которые, как он считал, других не слишком прельщали. Эдакие золушки. С ними он чувствовал себя принцем. Самодовольные красавицы снисходили до мужчин, а он любил одаривать сам. Это его свойство прекрасно вписывалось в теорию сезонной любви. Еремей был уверен, что даже за краткий миг его любви женщина должна быть век благодарна. Кстати, увлечение проходило, как только гас восторженный взгляд. Пассия начинала привыкать, а он – скучать. И искать следующий объект, который мог бы облагодетельствовать.

Да, с Мартой он явно подзадержался. Она сумела стать нужной. С ней он обсуждал новые книги, она делала точные замечания, исправляла стилистические ошибки. Но... Милая женщина, незаметный редакционный клерк, на деле оказалась... колдуньей. Марта обожала составлять гороскопы, гадать на картах, знала заклинания и обряды. Иногда смотрела пронизывающим взглядом и по вечерам делала пассы у него за спиной – снимала «негативную энергетику». В его доме теперь стоял запах сандала и ладана.

Однажды Еремей случайно услышал ее разговор с подругой. Он работал в своем кабинете и вышел, чтобы выпить немного красного вина, встряхнуться. Когда возвращался к себе с бокалом, услышал – Марта советует подруге, как присушить любимого. Он заинтересовался, приостановился у двери.

Оказывается, способ был прост, хотя и негигиеничен. Мужу в бокал с красным вином надо было капнуть менструальную кровь. Заглянув в бокал с пурпурным «Петрюс», Еремей еле добежал до туалета.

Он никак не мог понять, почему все его женщины выбрали одну профессию, а любили другую. Считал, что нечестно днем лечить зубы, как Августа, а вечером их портить. Что можно

ждать от человека-перевертыша? Сам он всю жизнь занимался тем, что ему нравилось – писал книги. И при этом сладострастно тайком не подрабатывал сборщиком макулатуры или, например, пожарным.

«Пора на Гоа», – подумал он.

– ...Тебе не кажется, что ты выбрал не самое удачное время для поездки? – будто прочитала его мысли Марта.

Он в это время готовил себе яичницу, от неожиданного вопроса обернулся. Яйцо полетело не на сковородку, а на пол.

– Не строй из себя с утра Кассандру, – раздраженно сказал он.

– Я вчера смотрела твой гороскоп, – серьезно сказала она.

Он поднял глаза к потолку – ну, началось...

– И что нам нашептали звезды? – равнодушно спросил он.

– На этот период приходится несколько аварийных аспектов, главные из них – квиконс Солнца и Плутона. Опасность крупных аварий и трагических происшествий. Особенно напряженной будет ночь на первое декабря (примерно с часу до пяти), когда твоя Луна подключится к неблагоприятному квадрату Марса с Черной Луной. Ты как раз будешь там в это время. Вероятны трагические неожиданности и даже...

– Все, – пресек он ее астрологические бредни, – «Сатурн почти не виден». – И сухо сказал: – Я решил, Марта.

– А я? – посмотрела она сквозь слезы.

– Что, «ты»? – отвел он глаза, еще не хватало ее истерики на десерт! Она даст ему сегодня спокойно позавтракать или нет?!

Теперь он, не отрываясь, смотрел на яичницу, а Марта на него.

– Мне приходить сюда? Пока тебя не будет. Может, прибраться... – нерешительно спросила она.

– В этом нет необходимости, – уверил он, – мусорить некому. Клавдею я беру с собой, – сказал он про свою любимицу черепашку.

– Понятно...

– Не надо усложнять, Марта. Мы свободные взрослые люди.

Это долгое прощание его раздражало. Да что она, в самом деле! На крови он ей клялся, что ли? Какие могут быть претензии?

– Свободные от чего? – резко спросила она.

– Свободные в своих поступках, Марта, – стараясь не сорваться на крик, ответил он. – Я, например, сейчас хочу съесть яичницу. И я ее съем.

Он повернулся и в упор посмотрел на нее.

– Это тебе только кажется, дорогой, – сузила она глаза. – Ничто не бывает случайным. Наша с тобой встреча – это судьба. Переплетение двух эгрегоров. Твое пренебрежение волей высших сил влечет за собой наказание. Вот тебе первый знак. Твоя яичница пригорела.

Он почувствовал запах гари, в сердцах схватил сковородку и плюхнул в мойку. Сковорода зашипела на него.

– Мне пора на работу, – сдержанно сказала Марта, выходя из кухни.

– Всего доброго, – почти с ненавистью сказал он. – Мне пора собираться.

– Я предупредила... – обернулась она.

– Ты опоздаешь, Марта...

– А вот тебе лучше не торопиться. Твоя поездка может плохо кончиться.

Но он уже не слушал ее. Вежливо подал пальто. Она оделась, нервно достала из кармана связку ключей, излишне торопливо сняла тот, что от его квартиры, и намеренно спокойно положила на тумбочку. Он захлопнул за ней дверь.

– Приехал? – на другой день на всякий случай подошла я к стойке ресепшен и умоляюще посмотрела на девушку. Спросила, естественно, по-английски: «Has he already come?»

– No, – сочувственно развела она руками. Это было понятно без перевода.

– И когда же? – от безысходности я перешла на русский.

– Потом, потом... – так же по-русски ответила она.

– Когда?! – повысила я голос.

– Завтра, завтра...

Индусы хорошо знали эти два слова: «потом» и «завтра». Так отвечали туристы надоедливый торговцам самоцветами, морскими ракушками и дешевым тряпьем. Теперь эти слова-отгонялки бумерангом вернулись ко мне и я почувствовала, что и завтра, и потом услышу то же самое. Мне уже начинало казаться, что «завтра», которое мне нужно, вообще никогда не наступит.

С утра в кафе отеля я старалась наесться на целый день. Тайком прятала в пляжную сумку хлеб, мед в коробочках и яблоки – на ужин. Хорошо, что лежаки были бесплатные. Почти целый день я валялась на пляже, питаюсь святым духом вкупе с запахами разных вкусов из прибрежных кафе. Вид у меня был такой несчастный, что даже горячие индийские парни ко мне не приставали. Пойти мне было некуда, купить поесть не на что.

Вечером, лежа у себя в номере, такая голодная и злая, что не хотелось ни читать, ни спать, ни смотреть телевизор, я, чтобы успокоиться, представляла только одно – торжественное прибытие слесаря из Мумбая. Этот Слесарь виделся мне в каком-то неземном величии, как один из индийских богов. «Наверное, к нему уже добрался гонец, – думала я. – Благоговеино вошел в сверкающий дворец. Слепленный роскошью изысканных шелков, блеском драгоценных камней, одурманенный нежными восточными благовониями, он раболепно пал ниц.

– О Великий Слесарь из Мумбая! – воззвал гонец.

Слесарь на яхонтовом троне скосил свой глаз-алмаз, отложил отвертку, отделанную изумрудами, и милостиво спросил:

– Для чего ты тревожишь мой покой, усталый путник?

– Неразумная женщина потеряла ключ от ларца со своими сокровищами, – сокрушенно сообщил гонец.

– Что ты хочешь, черный вестник? – Слесарь нахмурил брови.

– О приди, Великий Слесарь из Мумбая, – воззвал посланник, – яви нам свое непревзойденное искусство! Спаси чужестранку от голода и бездомья, – и распростерся на самоцветном полу.

Слесарь важно кивнул и хлопнул в ладоши. Тут же прибежали прекрасные пери в легких сари и надели на него венок из пышных орхидей. Зазвучали бубны и тамтамы, темнокожие рабы опустили пред ним нарядный паланкин.

Слесарь из Мумбая взошел, сел на шитое золотом сиденье. И понесли его через непроходимые джунгли по узким тропам, переправляли через широкие реки, проносили через многие селения. И все, кто видел его – люди, звери, птицы, рыбы, – склоняли пред ним головы, морды, клювы, жабры.

Она уже близко, эта процессия. Издалека слышны звуки тамтамов. И завтра, как взойдет заря, служащие отеля падут на колени и возвестит глашатай, что прибыл Великий Слесарь из Мумбая. И тут выйду я...

Блаженно улыбаясь, я заснула.

Но утром тамтамы меня не разбудили и после завтрака я шла к ресепшен злующая, как сто джиннов, заточенных в кувшины, и думала: «Все! Хватит! Довольно с ними миндальничать: “Инди-руси – пхай, пхай”. Хороша дружба, если уже третий день я только на завтраках сижу. Пусть хоть взрывают свой сейф, может, на что-то их ядерная бомба сгодится».

На ресепшен было не до меня – приехала новая группа отдыхающих. Но мне даже не пришлось расталкивать новичков. Увидев мое свирепое лицо, они сами расступились и приоткрылись.

– Девушка! – едва сдерживая себя, обратилась я к служащей. – Приехал, наконец, ваш слесарь?

Она как-то скорбно покачала головой.

– Мумбай – теракт! Вчера... – сообщил полиглот-клерк.

Я этого не знала. Телевизор вечером не включала, мечтала о Слесаре. Теракт! Вот тебе и «земной рай»... Теперь мои проблемы казались ничтожными по сравнению с бедой этих людей. Я их понимала, но мне-то как быть?

На глаза навернулись слезы.

– Взрывы. Одни-два-три, – клерк загибал для наглядности пальцы, – три – отель. Много – ресторан. Сегодня начать ремонт.

Я поняла, что в Мумбае начались восстановительные работы, и, значит, все слесари мобилизованы и мой приедет не скоро... А мне даже поесть не на что.

– Что же делать?! – отчаянно воскликнула я. – Вы не имеете права...

– Качаешь права, Вася? – насмешливо произнес кто-то за моей спиной. – Дело захватывающее, но малоперспективное.

Я резко обернулась:

– Ты?!

– Я.

Рядом со мной стоял великий детективщик земли русской Егор Крутов, он же Еремей Гребнев.

– Как ты здесь? Откуда? – не верила я своим глазам.

– Так же как и ты. Из Москвы по турпутевке. У тебя что-то случилось?

– Ага... – я всхлипнула.

– Ну-ка пойдем, расскажешь...

Приобняв за плечи, Еремей отвел меня к дивану в холле. И я рассказала ему про неожиданную потерю ключа и про долгожданного Великого Слесаря из Мумбая.

– Значит, ты совсем на мели?

– Ну да...

– Ладно, это поправимо. Так и быть, по старой дружбе ссужу тебе баксов пятьсот. Хватит дожить, пока твой сейф не взломают?

– Ерема! – кинулась я ему на грудь. – Ты мой спаситель!

– И нежданный избавитель от коварного слесаря, – просиял он, обнимая меня. – Представляете?! – обернулся он к окружающим, с любопытством поглядывающим на нас. – Семь лет не виделись! И вдруг – «подруга-нищенка», – он хмыкнул, – и на Гоа!

– Будь оно неладно! – вырвалось у меня.

– Расслабься, Вася, – заботливо посоветовал Еремей, – красивая девушка должна быть немного нервна, но не до точки закипания.

– Спасибо за комплимент, – поблагодарила я, – ты тоже классно выглядишь.

На нем были слегка измятые элегантные тонкие льняные брюки, простая на вид (только на вид) тенниска более темного оттенка открывала крепкую шею. Дорогой светло-коричневой ремень, в цвет ему мокасины из тонкой замши. Эти вещи покупались явно не на барахолке.

– Клевый прикид, – одобрила я. – Антон Палыч за тебя порадовался бы.

– Какой Антон Палыч?

– Чехов. Ты просто наглядное пособие по его цитате. Ну, той – о прекрасной душе, лице и одежде...

– Жаль, там про тело ничего не сказано... – лукаво подмигнул он, – видно, цензура не пропустила. У меня и тело прекрасно. Не хочешь убедиться?

– На пляже гляну, – осадил я не в меру ретивого приятеля. – Иди оформляйся. Потом поговорим.

– Меня уже оформили.

К нам подошел молодой человек среднерусской полноты и наружности, одетый попроще Еремы и лет на пятнадцать помоложе. Улыбаясь, протянул ключи.

– Пойдем, Рэм.

Я его и не заметила вначале. Интересно, кто это?

– Познакомься, Вася, – представил Еремей, – это Павел. Мой... – он замялся, потом рассмеялся: – ...собрат по боевой и сексуальной подготовке.

«Собрат»? Я не поняла, что он имел в виду. Но не расспрашивать же при Павле.

– Привет, Павел! – протянула я ему руку.

Он вежливо, но безразлично пожал ее. Еремей достал из кошелька пятьсот баксов.

– На. Советую открыть счет для добровольных взносов в помощь жертвам административного идиотизма. Не забудь потом со мной поделиться – за плодотворную дебютную идею.

– Спасибо, Ерема (мне не понравилось чужеродное «Рэм»).

Я взяла деньги и не знала как его благодарить.

– Ты не думай... Я как только...

– ...так сразу, – продолжил он и назидательно сказал: – Надежный должник, Вася, как депозит в банке, дает уверенность в завтрашнем дне. Ладно, пошли. Проводи нас в номера. Переодеемся и – на пляж. По дороге расскажешь, что, где и почему. Отработаешь гидом за проценты.

Мы направились к апартаментам. И я сама впервые увидела, где живу – будто переводная картинка проявилась. Проступили голубые бассейны, изумрудные лужайки, белые домики-бунгало, душистые густо-розовые цветы на ветвистых кустах, спелые коричневые кокосы на пальмах, синее гладкое небо. Все такое яркое, без полутонов, что казалось не всамделишным, а как Incredible India на полотнах Рериха. Наш отель был примечательно расположен – с одной стороны широкая река, с другой – океан. Правда, река была за бунгалами, а до океана еще предстояло идти. У беседки на речном берегу Ерема огляделся.

– Почему здесь так пусто? Неужели никто не купается?

– Зачем? – удивилась я. – Есть океан, бассейны. Да и нельзя здесь купаться. Видишь, запрет висит?

– Причина?

– Сюда индусы отходы сливают. И своих мертвецов они тоже сплавляют по рекам. Обычай такой – сжигать усопшего, а что осталось, пускать по воде. В вечность. Это река мертвых, Ерема...

Он смотрел на стриженные лужайки, кусты цветущих азалий, пальмы с налившимися кокосами.

– Красиво здесь...

– Да, ничего... – вяло согласилась я. После потери кошелька и сопутствующих этому неприятностей экзотический пейзаж уже не вызывал у меня восхищения.

Их бунгало было неподалеку от моего – через небольшой переход. В домике четыре номера – два наверху и два внизу. Ерема поселился наверху, Паша – внизу. Ребята стали раскладывать вещи, а я поспешила к себе и сразу включила телевизор. Разрушенные гостиницы, горящие магазины, кровь на мостовой, тысячи вопящих людей на улицах – передавали прямой репортаж о теракте в Мумбае. Жуть... Боевиков уже обезвредили, и расторопные смуглые работяги разбирали завалы. «Не скоро доберется до меня слесарь... – прикинула я. – Какое счастье, что встретила Ерему, а то загнулась бы в этой Incredible India.

Интересно, кто же этот Павел?»

Павел Пышкин решил стать рабом два года назад. В сущности, все мы чьи-то рабы, просто многие об этом предпочитают не думать. Павел окончил столичный литературный институт и вернулся в свой маленький городок. Неважно, как он назывался. Маленький городок – это уже определение. С Пашиным дипломом работы здесь было... непочатый край. Можно устроиться в школу преподавать не читающим оболтусам литературу. Можно – в библиотеку, выдавать пенсионеркам любовные романы. Можно в районную газету «Свисток» – свистеть о прорыве водопровода и падеже сосулук. Далее везде – от дворника до санитаря в городском морге. Нельзя было только одного – издаваться. В городе своего издательства не было. Да если бы и было, вряд ли кто-то оценил бы его креативные романы. А писать хотелось. Писать хотелось всегда, сколько он себя помнил. Первые стихи в семь лет, первые рассказы – в четырнадцать, первые публикации в районке – в шестнадцать. Он получал призы на городских литературных конкурсах, занимался в литобъединении, которым руководил местный поэт-народник. Отслужив в армии, Павел наконец-то поступил в литинститут, где встречаются и самобытные таланты как пример неподкупности вуза.

Паше не удалось «зацепиться» в Москве. Спесивые столичные барышни не слишком жаловали провинциалов. Пришлось возвращаться в свой маленький городок. И Павел вернулся. Но они не узнали друг друга, он и город. Городок смотрел настороженно и враждебно – ишь, епть... «москвич» объявился. У городка был стойкий комплекс неполноценности, не поддающийся коррекции. Закадычные друзья куда-то пропали. Нет, большинство из них по-прежнему жили здесь, но они казались почти незнакомыми. Кто-то сел, кто-то спился, кто-то обзавелся семейством. В городке торжественно называли жен супругами. Не от большого уважения к женскому полу, а просто потому, что слово было пышное, как сами дебелие горожанки.

Вскоре мать умерла. Павел так и не понял отчего. И местные врачи не поняли. Да она и не лечилась особо, считая это бесполезным. В этом она была права: захолустная медицина – нищая и бессильная. Павел похоронил мать на маленьком заросшем кладбище и стал думать, как скоротать время до своей мирной кончины. А то, что долго он здесь не протянет, стало ясно сразу.

Хотелось в Москву. Так хотелось, как бабу в юности, – до дрожи. Продать, что ли, свою «двушку» в блочной хрущевке? Но он знал, что в Москве на эти деньги можно купить разве что сортир. Он был согласен и на сортир, но сортиры отдельно от квартир не продавались. Снять комнату в столице? На какие шиши?

На всякий случай он отправил в московские издательства два своих романа. Ответа не получил. Можно было, конечно, думать, что редактор просто онемел от восторга. Но Паша не обольщался. Еще обретаясь в институте, он как-то ткнулся со своим творением в одну издательскую контору. Строгая пожилая женщина-редактор, мельком глянув на первую страницу рукописи, спросила:

- А вы псевдоним не хотите взять, молодой человек?
- Зачем? – не понял Паша, мечтавший прославить именно свою фамилию.
- Боюсь, автор по фамилии Пышкин не пойдет, – вынесла редактор свой вердикт.
- А Пушкин? – взъерошился Павел. – Разница – всего одна буква.
- Вы какого Пушкина имеете в виду?
- Как какого?! – воззрился он на нее. – Александра Сергеевича.
- Маша, – обратилась редактор к девице за соседним столом, – ты Александра Сергеевича Пушкина знаешь?
- Классика, что ль? – не поднимая головы от рукописи, уточнила Маша.
- А вот... – женщина глянула на титульный лист Пашиного манускрипта, – ...Пышкина?

– Ктой-то такой?

– Вам, молодой человек, разница понятна? В одну букву.

– А если я тоже гений?

Паша даже вспотел от собственной наглости.

– Это вообще не к нам, – спокойно сказала старая ехидна, – гении не требуются.

– А кому они требуются? – уже все поняв, не унимался Паша.

– Никому, – пожала она плечами. – Гении, молодой человек, нужны потомкам. Современникам они мешают спокойно жить. Вспомните хоть одного гения, которого бы чтили при жизни.

Паша старался припомнить. Но, как ни странно, издательская выдра была права – над ревностью Пушкина смеялось все светское общество, ершистого Лермонтова избегали, неистовый Добролюбов умер в нищете, а пророческий Булгаков вообще был под запретом.

– Вот то-то... – подвела итог его размышлениям редакторша. – Возможно, потомки вас оценят и через сто лет в Москве появится площадь Пышкина. Присматривайте пока место для памятника, юноша.

– Но других-то вы печатаете, – неожиданно для себя занюхнул он, указав на яркие обложки с изображением пистолетов, кастетов и клюквенной крови.

– А... Детективы. Попробуйте, милый, – посоветовала она. – Или любовные романы. Вечные темы. И подумайте над псевдонимом. Ими даже ге-ни-и – саркастически выговорила она, – не брезговали.

Паша обошел еще несколько издательств, но диалог был примерно тот же. Не давали злые люди стать Пышкину Пушкиным. По совету редакторши, он опустился до детективов, но результат оказался прежний – своих хватало. Паша так и не смог постичь страшную тайну – откуда же появляются новые авторы. Вот знаменитый Егор Крутов, он ведь тоже когда-то впервые пришел в издательство. А теперь, считай, классик.

Романы Крутова Паше нравились – это не два прицела, три прихлопа, как у некоторых. Герои не картонные супермены, следовательно – симпатичный чудак с черепашкой, сюжет цепляет. Писал Крутов много. И все печатали.

Однажды на глаза Паше попалось интервью с эпатажным названием «Между Моцартом и Крутовым всего две небольшие разницы». Корреспондент вел беседу с Еремеем Гребневым – оказывается, это и был Егор Крутов. Между великим композитором и мастером детективного жанра, по мнению борзописца, было только две разницы. Первая – Моцарт писал нотами, а Гребнев – буквами. Вторая – Моцарту помогали ученики, а Гребнев обходился своими силами. Нахальный журналюга так прямо и спросил:

– У вас есть литературные «негры»?

– Пока сам справляюсь, – ответил Гребнев, – но если понадобятся... Ничего крамольного в том не вижу. Мои книги – издательский проект. Они должны выходить, как «Восточный экспресс», без задержек.

– Но это уже будут не ваши книги?

– Почему? Моцарт часто набрасывал основную тему, а развивали и делали аранжировку ученики. Потом по готовому он проходил стилом мастера. Исследователи его творчества как-то подсчитали все им написанное и пришли к выводу – жизни Вольфганга Амадея не хватило бы, чтобы просто записать все свои произведения. И на Дюма «рабы» горбатилось, а он только правил. Вы в ресторане за фирменное блюдо шеф-повара благодарите, а не повара, которые картошку чистят. Так и на творческой кухне – важен конечный продукт.

– Но ведь это эксплуатация... – начал было корреспондент.

– Это – добровольное рабство, – прервал Гребнев. – Добровольное, – подчеркнул он, – а деньги реальные. Так многие начинали, даже классики не гнушались. Мне с детства внушили – у нас каждый труд почетен. И «литературного раба» тоже. Другое дело, чтобы сотрудничать со

мною, надо чувствовать мой стиль, моих героев. Понадобится «раб» – выберу именно такого. А пока сам вкальваю. Как негр на литературной ниве...

Паша задумался. Значит, Гребнев «рабами» пока не пользуется, но ничего зазорного в том не видит. Как Моцарт и Дюма... Павел уже понял, через парадный подъезд в вожделенный писательский мир ему не прорваться, и решил попробовать с черного хода – стать «литературным негром».

На пляже нашлись три свободных лежака рядом. Павел быстро разделся и пошел купаться, а мы с Еремой разлеглись по соседству. Я, вспомнив про цитату из Антона Палыча, невольно окинула его взглядом. Действительно, хм... Крепок и строен. Как водится после долгой разлуки, заговорили о старых знакомых.

– Ну как там наша Ника поживает? – спросил Ерема про мою непосредственную начальницу в «Бизнесмене» Веронику Круглову.

– Ника в порядке. Стала редактором криминального отдела.

– Ого! – одобрил он. – Держит руку на пульсе отечественного беспредела? Если что... – он резко черкнул пальцем по горлу, – пусть не забудет помянуть. «Услышит, вспомнит и напишет...»

– Типун тебе на язык, – отмахнулась я. – Кто на тебя покусится, всероссийский певец маньяков и отморозков? Разве что налоговый инспектор. Но это не смертельно.

– А ты чем на жизнь зарабатываешь, радость моя? Ну, помимо моих скромных пожертвований... – не преминул уколоть он, в ответ на «певца отморозков».

– У меня свое агентство «Кошкин дом». Выезжаю с кошками к новоселам. Несу им счастье на кончике хвоста.

– Забавно. Сама придумала?

– Ага...

– Ты замужем?

– Да. Но мужа редко вижу – у него работа такая.

– А дети есть?

– Нет пока...

– Вот как...

Ерема хотел что-то еще сказать, но промолчал. А я воспользовалась паузой, чтобы его порасспросить. Мне тоже не терпелось побольше узнать. Например, о Паше. Уже заметила, он вроде не совсем рядом с Еремой. Как оруженосец, который всегда чуть-чуть сзади. На пляже притащил нам полотенца, сбегал за мороженым, первый пошел купаться – пробовать воду.

– А Паша, он кто? Твой друг?

– Я не умею дружить, Вася, – погрузив пальцы в песок, признался Ерема. – Друг – это как почетное звание, которое налагает многочисленные обязанности. Мне больше нравятся свободные отношения. Я легкий человек.

– Паришь на полицейском уазике с крылышками? Вместо Пегаса, – поддела я.

– Точно... – он подул на ладонь, развеивая песок по ветру, – парю. А серьезные отношения – это гиря, тянут к земле. Что любовь, что дружба...

– Понятно...

Я придерживалась иного мнения, но о вкусах не спорят.

– И кто же тебе Паша?

– Сейчас он мой юный любовник, – зевнув, сказал Ерема.

Я посмотрела на него с любопытством. Всегда держала его за «ходока» по бабам, и вдруг – на тебе. Надо же, что слава делает с человеком.

– Что значит «сейчас»? – спросила я. – «В понедельник Пашка – мельник, а во вторник – он любовник...» Так, что ли?

– Примерно так... – интриговал Ерема.

Я уставилась на него во все глаза.

– Понимаешь, Вася, – усмехнулся он, – слава, она ведь, как плошка с водой. Если не доливать, пересыхает.

– И что?

Про плошку мне было понятно. Плошка у кошки. А что у Пашки?

– Короче, скандал – изнанка популярности, – продолжал тянуть kota за хвост Ерема. – Желтухи пустили слух, что я еду на Гоа с любовником. Фотки, то, се... В общем, сенсуха – Егор Крутов сменил ориентацию. Пусть орут. Мне это по фигуре. Потом напишут: «Крутов снова любит женщин» – еще один повод для сплетен.

– А кто Паша на самом деле?

– Он мой «раб».

– В каком смысле? – уставилась я на Ерему.

– В буквальном. Он литературный «негр».

– А я и не знала, что ты... – начала было я, но он меня перебил:

– Никто не знает. Но тебе, мой друг Буратино, я доверю эту страшную тайну.

Я пожалала плечами: мне-то что, производственные секреты литературной «тортилы» меня не трогали.

– Выходит, Паша – «Железная маска»? Тайный двойник Егора Крутова...

– Точно. Но надеется стать явным. *Per aspera ad astra* – сквозь тернии в «звезды» – вольно перевел он.

– И будет?

– Поживем – увидим. Пока, как сказал поэт: «Пускай его потужит». Я тоже так начинал. А ты разве не была «негром»?

– Нет.

– Ну да, ты же младше... А меня еще в газете заставляли речи писать за секретарей райкомов. Вот и Паша пока «негр», но сыт, пьян, нос в табаке, а задница в Индийском океане. Кстати, пойду и я окунусь...

Он поднялся.

– Привет акулам.

Я прикрыла глаза.

– От подружки?

Проходя мимо, Еремей слегка шлепнул меня по попке, но я не отреагировала, погрузившись в блаженную дрему. Однако подремать мне не дали.

«Мадам, смотри!» – Около меня остановилась индианка, увешанная бусами, как новогодняя... нет, не елка, конечно, – пальма.

Пляжные торговцы ходили по пляжу «толпою, врозь и парами», предлагали огромные ракушки, влажно светившиеся розовым нутром, гирлянды самоцветов, яркие сари, звонкие барабаны, нежный жемчуг, фрукты, на которых еще не обсохла утренняя роса, кружевные деревянные скульптурки, гладких каменных богов, ручной массаж – в общем, все, чем богата индийская земля. Покупали у них мало – избыток не прельщал. А они все ходили и ходили, иногда объединялись в живописные стайки, как колибри, тихо кемарили на песке. Проявлять интерес к ним было нельзя. Стоило остановить одну, вслед за ней тянулись все остальные.

– Нет, – сказала я и по уже сложившейся привычке объяснила: – Ноу мани.

– Завтра? – по-русски спросила она.

– Завтра, завтра, – повторила я.

– Что она у тебя выпрашивает, Вася? – остановился рядом Ерема, отряхиваясь после купания и обдавая меня мелкими, колючими от жары брызгами.

- Надежду. – лениво ответила я.
- На что?
- На завтрашний день. Это удивительные люди, Ерема. Им даже денег не надо, достаточно обнадежить, что завтра будет лучше, чем вчера. Не обращай внимания. Как водичка?
- Отлично.
- Вскоре Паша, смешно прыгая по раскаленному песку, присоединился к нам.
- Вася, где здесь затовариться можно? – обсохнув, спросил Ерема. – Фрукты и прочее...
- Как с пляжа выйдешь, налево поверни и топай до города. Там полно лавок. Это рядом.
- Двинем? – повернулся Ерема к Павлу.
- Давай, – легко согласился тот.
- Мы пойдем, Вася. – Ерема стал торопливо натягивать цветные бермуды и легкую футболку. – А то сгорю дотла, так и не увидев триумфального приезда твоего слесаря.
- Не волнуйся. Отдам тебе последний долг – заверну твой прах в баксы и пущу по реке. Я перевернулась на спину.
- Вася, твой черный юмор – пятно на местном солнце, – упрекнул меня Ерема и сказал: – Мы сегодня, пожалуй, отдохнем с дороги. А завтра, с утра, на том же месте в тот же час. Жди!
- Не особо налегай на фрукты, милый, – заботливо предупредила я, – а то рискую вас не дожидаться...
- И ты блюди себя, Вася, – с братской тревогой предупредил он. – Я смотрю, тут для местных рукосуев не существует преград. – И кивнул на крайний лежак, где пляжный массажист исправно обрабатывал млеющую толстуху, с каждым движением продвигаясь все дальше и глубже.
- Не волнуйся, – нарочито громко успокоила я, – я воспитанная девочка. Меня с детства учили, что массироваться в голом виде на улице неприлично.
- Тетка, уже без лифчика и в приспущенных трусах, зыркнула на меня злющим глазом, а Ерема благостно попрощался:
- Тогда я за тебя спокоен. Бай-бай!
- Они отчалили, а я осталась на пляже. Предвкушая, что сегодня наконец-то нормально пообедаю в кафе «Жирный Вилли», запахами которого я пробавлялась в голодную пору. Меня не раздражали ни пляжные массажисты, ни бесчисленные торговки. Ко мне они не слишком приставали. Беспроводной телефон здесь работал исправно. За эти два дня я всех оповестила, что денег у меня нет. А как говорится: по money – по problems².
- На следующее утро мы снова встретились. Ерема был настроен благодушно.
- Ну, Вася, как вчерашний день провела?
- Наконец-то зашла в Аюрведический центр, – похвалилась я.
- Куда, куда? – переспросил он.
- В центр Аюрведы, – повторила я и показала: – Вон его крыша видна. Давно мечтала. Там классный массаж делают с маслами, травами.
- И все? – заинтересовался он.
- Ну, почему – у них много разных программ: маски, релаксации, какие-то лечебные циклы...
- Какие?
- Не знаю, – отмахнулась я, – ну что ты пристал! Интересно – сам сходи.
- Я поднялась и пошла купаться. Когда вернулась, они с Пашей уже были не одни. На моем топчане, как у себя дома, сидела смуглая дочь Ганга и на ломаном русском что-то настойчиво предлагала. Парни отнекивались.
- Завтра, завтра, девушка! – пришла я ребятам на помощь, сказав чудодейственные слова.

---

² Нет денег – нет проблем (англ.).

- Завтра поздно, – вдруг твердо сказала она.
- Что поздно? – не поняла я.
- Я знать, что быть...

Гадалок здесь еще не было. А какая женщина откажется погадать? Она заметила мое колебание, с мягкой настойчивостью взяла мою руку. Уж если она сама проявила инициативу, не вырваться же.

- Денег быть... – что-то разглядела она.

Как только я услышала про деньги, сразу поверила. Парни рассмеялись.

- Погадай мне, – попросил Павел.

- Денег быть... – она не слишком разнообразила свои предсказания, – много...

– Ну, Пашка, скоро, глядишь, буду я у тебя в нахлебниках, – на мой взгляд, бестактно заметил Ерема.

Павел сдержанно улыбнулся. Но глаза счастливо сверкнули. «Не очень-то ему нравится быть твоим “рабом”, Ерема», – мелькнуло у меня в голове.

- Теперь моя очередь... – Ерема протянул руку ворожее.

Она мельком глянула на его ладонь, потом пристально посмотрела прямо в глаза. Сказала настойчиво, серьезно и почти без акцента:

- Уезжай. Завтра. Потом поздно.

Еремей отнял руку и внимательно посмотрел на нее. Но девушка уже завела обычное:

- Деньги, деньги, май френд...

Так они коверкали английское: My Friend³.

- Сколько? – спросил Павел.

- Триста, триста. Все... – она показала пальцем на меня, на Ерему и на него.

- По сходной цене пророчишь, красавица, – усмехнулся Ерема и отсчитал триста рупий.

Девица взяла их и быстро ушла. Я посмотрела ей вслед. Несколько ее товаров недоуменно оглянулись, когда она прошла мимо них, а не остановилась поболтать. К нам тут же потянулись торговки всякой всячиной.

Вечером я наконец-то прошлась по местным магазинам. Ребята не составили мне компанию, плескались в бассейне. Когда я вернулась, у бассейна лежал один Ерема.

- Ну что, Вася, хорошо по индийским сусекам поскребла?

- Ага. Надо же доказать, что не зря съездила. Сувениров накупила.

- Грины еще нужны?

– Нет, спасибо. Надеюсь, что завтра он все-таки приедет, мой Великий Слесарь... А где твой «любовник»? – спросила я.

– На дискотеку махнул. Размять уставшие члены... Слушай, пошли ко мне, – предложил он. – Классное вино есть. Посидим, выпьем, потрепемся...

- Пойдем, – согласилась я.

Номер Еремы ничем не отличался от моего – две небольшие комнатки. Одна спальня, другая – типа столовой, – встроенный бар, небольшая плита, удобный диван рядом с низким столиком, телевизор. Пока Ерема возился на кухне – звенел бокалами, мыл фрукты, шуршал фольгой от шоколада, я прошлась по его номеру. На прикроватной тумбочке рядом с книгой заметила упаковку снотворного. Тот же Пилопам, как и у меня. Но по 0,5 мг. У меня по 1 мг.

- Тебе что, Ерема, мысли черные по ночам покоя не дают? – крикнула я.

- Это ты про снотворное? – отозвался он.

- Да.

– Давно без пилюль не засыпаю. Издержки профессии. В голове крутятся сюжеты, фразы... Но я привык. Три таблетки сжую – и нормально. Главное, утром голова свежая.

---

³ Мой друг (англ.).

– Зачем три-то? – удивилась я. – Есть упаковки по 1, и даже 2,5 мг. Купи бОльшую дозировку, – посоветовала я, – удобнее...

– Знаешь, я уже привык так. Принял норму – и порядок, а то – ломать, кроить, дозу высчитывать... Мне перебарщивать нельзя – мотор уже шалит. Да что мы с тобой, как пенсионеры, все о болезнях да о лекарствах. Иди сюда.

– Сейчас...

Я взяла с тумбочки детектив «Судьба без тормозов», полистала, бегло пробежала глазами последнюю страницу:

«Белов встал, не зажигая света, подошел к окну. Ночь, как настырная шлюха, тесно прижалась к стеклу. Он открыл створки и машинально отодвинулся, впуская ее в комнату. Следовательно по особо важным делам Белов заслужил эту ночь. И этот остров в океане он заслужил. И отдых тоже. Клавдея – верный друг черепашка подползла к нему, ткнулась в шлепанец.

– Давай спать, Клавдя, – погладил он ее по рельефной прохладной спинке, – завтра встанем пораньше – и к морю-океану...

Утром его нашли в номере мертвым... Смерть следователя Белова была неожиданной и странной, как все дела, которые он вел. Но его гибель предстояло расследовать уже другим...»

– Вась, ну что ты там зависла? – нетерпеливо позвал Ерема. – Все готово.

– Зачиталась...

Я вышла с его книгой в руках.

– Ты что, на ночь собственные нетленки перечитываешь?

– Нет, просто выложил из сумки. Всегда вожу с собой несколько книг – дарю хорошим спутникам.

– А мне?

– Ты разве моих книг не читала?

Я смутилась. Я не читала его книг. Мне нравились иронические детективы, легкие диалоги, а не кровожадные жесткие боевики.

– Конечно, читала... – я замялась и все же нашлась: – Но этот роман еще не видела.

– Он только что вышел, – согласился Ерема. – Бери, почитаешь на досуге. Присаживайся.

Он подал мне бокал «Петрюс». Видимо, купил во Free Shop. Давно не пила это чудесное вино.

– За что пьем? – подняла я бокал.

– За тебя...

Он отхлебнул. Поставил бокал на стол, подошел и властно обнял меня.

– А ты очень похорошела, Вася...

– Ты женат, Ерема? – спросила я, так как давно поняла: если хочешь охладить не вовремя распалившегося мужика, надо задать именно этот вопрос. Но Ерема не смутился:

– Нет, я не женат. Я волен... Как птичка божия.

Не окольцованный «пернатый» поцеловал меня. Поцелуй был долгим и нежным. Не опускающая напрягшихся рук, заглянул в глаза тем самым мужским взглядом, после которого возможно все. Или все невозможно...

– Окстись, Ерема, – слегка отстранилась я. – Не забывай, ты теперь гей. Помни об этом даже во сне, а то выйдешь из образа.

Он все понял. Небрежно улыбнулся, разжал объятия, притворно вздохнул:

– Верная жена, Вася – это атавизм. Как хвост на заднице. Ты же не крестьянская дочь, которая боится в подоле принести. Сейчас есть надежные средства контрацепции.

Вот злыдень! Все-таки каждый мужчина непременно должен отомстить, если его шелкнули по носу.

– Я не боюсь принести в подоле, Ерема, – сухо вато сказала я, – но интим, как кредит, портит отношения. Ты не находишь?

Это был намек на мой денежный долг (не натурой же его отрабатывать).

– Проехали, Вася, – сразу посерьезнел Ерема, – извини, если что...

– Проехали, Ерема, – согласилась я, – давай мировую.

– За то, чтобы завтра, наконец, слесарь из Мумбая вернул твои сокровища, – улыбнулся он.

Я отпила, но не ответила на его шутку. Что-то мне напомнили эти слова. Я даже поежилась. «Завтра... Поздно». Цыганка на пляже... Опять это «завтра». И как бы между прочим спросила:

– А ты куда не собираешься завтра?

– Ты меня гонишь? Не бойся, я больше не ядовит.

– Я не гоню. А вот...

– Что?

– Вспомнила, что тебе гадалка посоветовала – мотать отсюда, пока не поздно. – Я старалась говорить легко, но Ерема нахмурился:

– Знаешь... – сказал он задумчиво, – не только она...

– Кто еще?

– В Москве одна пророчица, – он усмехнулся, – нагадала, что завтрашний день будет для меня «особо неблагоприятным». Очень не советовала ехать сюда.

– Что за пророчица?

– Бывшая подружка...

– Тогда понятно, – успокоилась я, – конечно, напугать бойфренда легче, чем отпустить его с миром.

– Возможно... Давай выпьем за то, чтобы у нас всегда наступало завтра.

– Всегда не получится – засомневалась я, – когда-нибудь настанет день, после которого завтра не наступит.

– Но пусть это случится не завтра. – поправился он.

Завтра... Завтра... Завтра... – это было как навязчивая мантра. Мы словно заклинали себя. Во всяком случае я уже слышать не могла это слово. Мы выпили, закусили влажными дольками манго. Ерема задумался и помрачнел.

– Что с тобой, май френд? – окликнула я и положила руку ему на плечо.

– Устал я, Вася, – не принял он мой дурашливый тон, – надоело все. Вся эта кутерьма. Все чего-то хотят от меня. Достали. Высасывают, как упыри.

– Кто тебя достал?

– Книги, женщины, издатели. И для всех я – не я. Мои книги – какого-то Егора Крутова. По-моему, женщины тоже любят не меня, а этого знаменитого Егора. А я хочу, чтобы меня...

Я молчала – ему надо было выговориться.

– Все! Баста! От своей женщины я ушел. Своего героя убил... Больше на конвейере по производству Егоров Крутовых работать не буду.

– Господи, Ерема! – воскликнула я. – Да твои книги нарасхват. Ты талантлив, сделал себе имя.

– Это не мое имя, Вася, – повторил он. – А что касается таланта... Слушай, я как-то писал детектив о шоу-бизнесе. Разговорился с одним продюсером. Он мне прямо сказал, что не будет раскручивать талантливого певца, лучше найдет посредственного.

– Почему?

– Потому что ему нужен манекен. Он на него налепит этикетку с любым именем и зарегистрирует собственный бренд. Потом эту этикетку, в любой момент, переклеит на другого

манекена. Взаимозаменяемые клоны, Вася, – герои нашего времени. И так везде, где крутятся большие деньги. А я хочу быть собой.

– Ты пробовал? – осторожно спросила я.

– Да. Пришел как-то в другое издательство. Предложил: буду печататься у вас. Они прыгали от радости: кто откажется от раскрученного Егора Крутова? Но когда сказал, что решил издавать книги под своим именем, сразу поскущели. Еремей Гребнев им был не нужен. Он никто, этот Еремей. Но у меня есть одна идея... – начал он, но не закончил и заговорил о другом: – Вася, ты ведь тоже пишешь. Я встречал твои книжки на прилавках. Даже полистал одну-две. В отличие от некоторых, – намекнул он на мое безразличие к его триллерам.

– Куда мне до тебя! – отмахнулась я. – У тебя же собрание сочинений! Ты почти классик, Ерема. А я так... Пишу время от времени.

– Почему время от времени? – спросил он, прихлебывая из своего бокала.

Я тоже отхлебнула глоток вина.

– Чаше не выходит. Понимаешь, мне интересны необычные, но реальные истории. Невыдуманные. Что случается, о том и пишу.

– Невыдуманные... – задумчиво повторил он. – Да... Я тебя понимаю. У нас сейчас такие дела творятся... Покруче боевиков и пострашнее страшилок. Вот и я... – снова начал было Еремей, но продолжать не стал.

– А где, кстати, Клавдея? – перевела я разговор. – Что-то я ее не вижу. Читала в твоём интервью, что ты с ней не расстаешься.

– Пойдем, покажу.

Мы прошли в спальню. Он вытащил из-под кровати обувную коробку. Открыл.

В ней сидела маленькая черепашка.

– Ой! Какая прелесть!

Я погладила панцирь.

– А почему она не ползает?

– Сейчас.

Он достал черепаху из коробки и опустил на прохладный пол. Она поползла в сторону гостиной, странно приволакивая ногу.

– Что у нее с ногой?

– Она всегда прихрамывала. Я как-то зашел в зоомагазин... – Он пояснил: – У меня действие одного романа разворачивается вокруг контрабанды редких животных. Смотрю, сидит эта прелесть в террариуме. Грустная такая. «Не продается?» – спрашиваю. – «Не берут» – отвечает продавец. – «Что так?» – «Она бракованная. Сразу не посмотрели, а теперь не можем продать». – «Что с ней?» – «Лапу повредили, когда везли».

Мне ее жалко стало. Такой облом в самом начале – и судьба ее черепашка наперекосяк. «Я ее беру», – говорю. Купил и назвал КлавдЕя. У меня бабушка из деревни. Она соседку так кликала. На сельский манер: «Клав-де-е-я...»

Я кивнула. Деревенский говор я тоже знала, моя мама – фольклорист.

– Кстати, ты ведь знаешь, КлавдЕя означает «хромая». Я Клашу сделал героиней романов. У моего следока Белова тоже есть черепашка, как символ дотошности и удачи – тише едешь, дальше будешь. Ну и долголетия тоже.

– Да, запоминающаяся фишка. Вот только насчет долголетия... Зачем же ты убил этого... ну, Белова своего?

– Сказал же, больше не буду Егором Крутовым. Начну с начала. Считаю, с нуля. Есть у меня одна задумка. Но пока рано об этом говорить.

Рано так рано. Выпили, включили «ящик». В Мумбае ликвидировали последствия нападения боевиков. Обгорелые фасады зияли проемами выбитых окон, но на лицах прохожих уже

появились улыбки, а о теракте заговорили в прошедшем времени. Интересно, придет завтра мой слесарь или нет?

Теперь каждый мой утренний визит к стойке портье напоминал никчемный, но непременный ритуал.

– Приехал? – как заведенная спросила я.

Сейчас девушка снова разведет руками и я пойду на пляж. Девушка радостно заулыбалась и, как обычно, посулила:

– Завтра, завтра...

– Послушайте, – возмутилась я, – уже пять дней прошло. Пять! – И растопырила пальцы перед ее смуглым носом. – Сколько можно?!

– Завтра, завтра... – еще приветливее повторила она.

Я безнадежно махнула рукой и отправилась к морю. Ни Паши, ни Еремы еще не было. Ерема приходил часа на полтора позже, говорил, что с утра любит побродить по городу. В городе интереснее было гулять по вечерам – музыка, иллюминация, лавки, рестораны. По утрам пусто и тихо. Но, может, ему так больше нравится? Неспешно подошел Паша.

– Привет!

Он опустился на соседний лежак.

– Привет, – кивнула я, – а Ерема где?

– Скоро будет.

Мне как-то неловко было говорить с Павлом. Вот назвали человека «рабом», и уже чувствуешь себя с ним не на равных. Хотя, что особенного? «Литературный раб» – профессия как профессия, не хуже других. Впрочем, тут же подумала я, разница между писателем и литрабом такая же, как между золотоискателем и золоторем. По звучанию похоже, а отношение разное.

– Ты с Рэмом давно знакома? – первым начал разговор Павел.

– Мы в газете вместе работали. Лет семь назад.

– Ты, вроде, тоже пишешь? Рэм говорил.

– Это случайно вышло. Я, когда из газеты ушла, агентство «Кошкин дом» открыла. Как сейчас говорят – поменяла карму. И точно. Жизнь сразу кардинально изменилась.

– В лучшую сторону? – заинтересованно спросил Паша.

– Это как посмотреть, – прикинула я. – Раньше жила – горя не знала. А тут вдруг со мной стали происходить странные истории. По большей части уголовные. Ну я одну такую байку в газете написала. Потом вторую, третью. Так и пошло... Сначала стремно было, а теперь вроде как привыкла.

– Хороша привычка – в дерьмо влипнуть, – посочувствовал Павел.

– Хорошего мало, – согласилась я. – Но что поделаешь, я – как спутник. Чуть сошла с заданной орбиты, сразу вышла на кривую криминальную дорожку.

– Воркуете?

К ним подошел Ерема.

– Общаемся, – уточнил Павел.

Я отправилась купаться. Потом купались они. Потом все вместе мы отваживали торговков. Я заметила, что Ерема все время оглядывается, будто ждет кого-то.

– А нашей-то... Нет сегодня... – подтвердил он мои мысли.

– Кого это, «нашей»? – лениво спросила я, нежась на теплом лежаке.

– Вчерашней... гадалки.

– Наверное, у нее выходной, – равнодушно сказала я, – хотя странно... Они каждый день взад-вперед шастают. Но раньше я ее не видела.

– Не видела?

– Может, она ко мне не подходила... В этих сари их не различишь. Ты что, ждешь ее? Зачем?

Он не ответил.

– Что с тобой, Ерема? – посерьезнела я. – Неужели предсказание пляжной побирушки тебя так задело?

– А, ерунда все... – отмахнулся он. – Хотя... Хотя всякое бывает... Она сказала: «Завтра уезжай». Почему именно «завтра»?

– Они все говорят «завтра» и «потом» – только два слова и знают. В любом случае «завтра» уже наступило, а ты на солнышке лежишь.

– Но «...Вдруг: виденье гробовое, незапный мрак иль что-нибудь такое...»⁴ – делано улыбаясь, процитировал он.

– Перестань, Ерема! – сердито перебила я. – Этой пифии надо было триста рупий срубить, она и срубила. Вспомни, что она мне напорочила...

– Что? – оживился он.

– «Деньги быть», – передразнила я. – И Паше тоже про богатство. Паша пока еще бесценный перл не нашел, хотя ныряет, как заведенный. А ко мне снова не приехал слесарь...

– И все-таки, Вася... У меня к тебе будет одна просьба. Вернее, две.

– Ну, ты наглый тип! – возмутилась я. – За несчастные пятьсот баксов готов пять шкур содрать. По сотне за шкуру. Не слишком ли?

– Не пугайся, тебе нетрудно будет их выполнить.

– Ладно, давай первую.

– На...

Он протянул на ладони небольшой ключик на металлическом колечке.

– Ерема, в доме повешенного не говорят о веревке, а человеку, потерявшему ключ, не суют под нос другой. Это негуманно, – съязвила я.

– Вась, возьми на всякий случай, – он не шутил, – завтра мне вернешь.

– Может, хватит дурью мучиться, Ерема! – рассердилась я. – Успокойся уже.

– Считаю это моим капризом, если хочешь, чтобы я успокоился.

– Ну хорошо. – Я взяла ключ.

– Скажи хоть, что им открывать? Чемодан?

– Нет, это от банковской ячейки, недалеко от моего дома.

– Там деньги, что ли?

– Нет. Это неважно... Просто ключ... На предъявителя.

– А почему ты его Паше не вручил?

– Не хочется перед ним истериком выглядеть.

– А передо мной?

– Ты женщина. Увы, – он вздохнул, – не моя... Но, – Ерема посерьезнел, – ты свой человек.

– Ладно уж...

Его искреннее признание в дружбе тронуло меня гораздо больше, чем вчерашняя нежданная и ненужная страсть. Я спрятала ключ в карман пляжной сумки.

– А вторая просьба?

– Вторая тоже, потому что ты женщина.

– Ерема, ты перегрелся, что ли? Сказала же – я замужем. Пояс верности тебе показать?

– Вась, как раз про это я и хотел поговорить.

– Про «Это»? – передразнила я.

– Ну... В общем, да.

---

⁴ А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери».

Он так смутился, что даже покраснел, но я, вспомнив неудачный «роман» с Рикемчуком, не поддалась.

– Не тяни резину.

– Вась, ты говорила, у вас пока детей нет...

– И что? Ты вроде бы вчера хотел исправить этот пробел в моей биографии, – ехидно напомнила я.

– Я серьезно, Вася... – еще больше смутился он.

– Так не мямли.

– Ты сегодня идешь в Аюрведический центр?

– Иду. Вот закончим разговор и отправлюсь.

– Не могла бы ты... спросить там, не делают ли они контрацепцию?

– Чего, чего?! – уставилась я на него.

– Представь себе ситуацию, – оживился он, – молодая красивая женщина приехала на экзотический курорт. Море, солнце, безделье – все, что нужно для бурного романа. Ну и... Но она, в отличие от тебя, без пояса верности. Готова на все, но боится залететь. Хочет поставить что-то типа внутриматочной спирали. А рядом только Аюрведический центр с лечебными программами...

– Ерема, ты любовный роман, что ли, пишешь? – догадалась я.

– Типа того... Мне одна идея в голову пришла. Стало интересно, могут ли здесь помочь знойной дамочке. Но не самому же об этом спрашивать.

– А если делают? Мне что же, по твоей прихоти потом наследника не зачать?

– Скажешь, что еще подумаешь.

– Как-то глупо... – засомневалась я.

– Вась, тебе же с ними не детей крестить.

– Это точно, – согласилась я, – они тут, по-моему, кришнаиты или буддисты.

– Тем более... Просто узнай, и все.

– Ладно, спрошу. Ох уж эти мне писатели... – пожалала я плечами.

На том мы и расстались. Я отправилась на массаж в Аюрведический центр.

В Аюрведическом центре пациентов записывали на процедуры на огромной террасе. Совершенно правдоподобно смущаясь, я попросила позвать директора – она неплохо говорила по-русски.

– Что вам угодно? – улыбаясь, подошла ко мне индианка. – Недовольны массажем?

– Ну что вы! – горячо разуверила я ее. – Массаж превосходный. Но у меня появилась одна небольшая проблема.

– Какая?

– Я видела в вашей программе перечень гинекологических процедур... Лечение эрозий, воспаления и прочее...

– Да, у нас есть специальные растительные составы. Хотите пройти курс?

– Нет, у меня другое... – потупила я глаза.

– Не смущайтесь... Я ведь доктор... – она участливо посмотрела на меня.

– Понимаете, я здесь познакомилась с одним человеком... А дома муж... Я хотела бы предостеречься... Ну... От всяких неприятностей.

– Венерических?

– Нет, нет. В этом я уверена. Но... Я боюсь, наша связь может окончиться беременностью... Первый аборт... Сами понимаете...

– Не понимаю, что вы хотите? – нахмурилась она.

– Не делают ли у вас... – еще больше смутилась я, – контрацепцию? Хотя бы временную... Ну, типа спирали? Я хорошо заплачу...

– Нет, таких услуг мы не оказываем, – вежливо ответила директор и посоветовала: – Вы можете купить противозачаточные таблетки в ближайшей аптеке.

– Извините, – пробормотала я, – просто не знаю действия здешних препаратов...

– Вас проконсультируют. В аптеке говорят по-английски.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила я.

Женщина слегка улыбнулась в ответ, поднялась и ушла. А я отправилась на массаж, в душе злясь на Ерему с его неприличными сюжетами.

Вечером у бассейна я пересказала наш разговор Ереме.

– Значит, не делают... – задумчиво проговорил Ерема.

– А с чего ты вообще взял, что делают?

– Матери какая-то пациентка рассказала, что на Гоа спирали вставляют всем кому не лень. Чуть ли не на пляжах. Как массаж. Во всяком случае, в пляжных Аюрведических центрах точно делают. Ну я решил для нее узнать, так ли. Для новой книги.

– А-а-а... – протянула я, зная, что мать Еремы – известный гинеколог.

– Извини, Вася, что пришлось своей нескромной просьбой побеспокоить такую целомудренную девушку, как ты... – намекнул он на наш несостоявшийся курортный роман.

Я пожала плечами – не извольте, мол, сударь, беспокоиться (во всех смыслах).

Мы искупались. Потом прогулялись по вечернему пляжу. Там по вечерам запускали фейерверки и петарды. Молодые ребята и девчонки танцевали прямо на песке. Ежедневно одно из приморских кафе устраивало party. Ближе к полуночи вернулись в отель. Павел, как всегда, зажигал на местной дискотеке.

– Ну вот, – взглянула я на часы, – уже больше одиннадцати, а ты живой и невредимый. Успокоился?

– Еще почти час... – сказал он.

– Я тебе позвоню ровно в двенадцать.

– А может... сама заглянешь? – вкрадчиво улыбнулся он. – Удостоверишься.

– Поверю на слово, – пресекла я новые поползновения своего неумного приятеля.

У себя в номере стала разбирать пляжную сумку. Во внутреннем кармашке что-то звякнуло. Ах да, ключ, который мне дал Ерема. Колечко ударило о ракушку. Я достала его, недоуменно повертела в руках и положила обратно – завтра верну. Повесила купальник на балконе, неторопливо выпила чаю. Было уже двенадцать. Пора ложиться. Сейчас Ереме позвоню – и спать.

– Алло! – сразу же отозвался он.

– Не спишь?

– Собираюсь, – полусонно ответил он, – но если ты...

– Спокойной ночи, Ерема, – сухо перебила я его. – Посмотри на часы. Уже десять минут как «завтра».

– Тогда до «сегодня», Вася. Целую, обнимаю...

Он повесил трубку, а я обрадовалась: Ерема жив, здоров, в меру пылок. И спокойно заснула.

Утром на ресепшен меня ждал сюрприз. Рядом с девушкой стоял смуглый не улыбочивый человек.

– Слесарь приехать... – возвестил, увидев меня, клерк.

Дальше все было предельно просто. Слесарь вынул из кармана уже готовый ключ. Видно, слепок с него ему передали заранее. Я заплатила, спасибо Ереме, сто долларов. Мне выписали квитанцию. И наконец, мы вместе с клерком пошли в хранилище и двумя ключами дружно

открыли мой сейф. Все это заняло минут пятнадцать. Я уже собралась уходить, когда в холл влетел взъерошенный Павел.

– Я сейчас подгребу к вам! – крикнула ему, но он не отреагировал. Словно не замечая меня, он обратился к клерку:

– Пожалуйста! Надо срочно открыть дверь!

Я подошла к стойке.

– Ты что, тоже ключ потерял?

– Нет... Это у Еремы. Он что-то не отвечает... – с тревогой сказал Паша.

– Может, спит? – встревожилась и я.

– Он уже давно должен был встать. Мы договорились до завтрака пойти искупаться. Я звонил, стучал – не открывает.

Мне стало холодно и страшно. Все вместе мы побежали к домику, где они жили. Слесарь из Мумбая легко открыл дверь. Еремы в номере не было...

К двери, приволакивая ногу, подползла Клавдея, грустно посмотрела на меня. Я подняла ее и крепко прижала к себе.

Глава 2

Крутое дельце для дурнушек

За три месяца до...

Секретарь подняла голову от компьютера, исподлобья оглядела сидевших в приемной женщин: «Еще три дуры приперлись...» Ей не терпелось приоткрыть ящик стола, где лежал улетный триллер, и незаметно почитать. Страшно хотелось узнать, чем у них там все закончится, ну, с маньяком этим, а из-за этих мыр приходится строить из себя деловую.

Она сделала неприступное лицо – а то того и гляди с разной ерундой полезут. «Особенно вон та, выцветшая, будто в секунд-хенде на вешалке висела. Лицо подмазано, а все равно блеклое, как промокашка. Глазу не на чем остановиться – затрапезная юбка до середины колена, вязаная кофточка в мелких катышках, кружевной воротничок с аккуратно постриженным махрящимся краем. «Училка бывшая, что ли?» – неприязненно подумала секретарша.

Сердитая девчонка ошиблась, Вера учительницей не была. До недавнего времени она служила делопроизводителем в районной конторе по учету потребностей населения. Но кризис, как бульдозер, прошелся по потребностям. Учитывать стало нечего. Префектура решила сократить часть сотрудников. Естественно, сократили и Веру. Почему ее и почему «естественно»? Она не могла ответить на этот вопрос, просто при малейшей реорганизации всегда сокращали именно ее. Может быть, вид у Веры был такой, будто она заранее смирилась с неизбежным увольнением. Она не скандалила, права не качала, уходила молча. А может, работа у нее была какая-то полунужная? Вроде бы дело как дело, но необязательное, что ли. Вера незаменимой не была. А главное, никогда этого не хотела. Мать воспитывала ее одна, была робкой, слезливой и внушала дочери, чтобы та не высывалась. По-своему мама была мудрой женщиной. Но это была мудрость мушки-пестрокрылки, главная забота которой – лишь бы не нашли и не съели. Из всех возможных способов борьбы за существование мама выбрала мимирию. Вера, мамина дочка, была полностью согласна с таким выбором. Ей нравилась их почти незаметная жизнь – уютные радости: старые фильмы по «Культуре», классические романы на ночь, вафельный торт к чаю... Мама часто оказывалась права. Алку-красотку, которая даже в школу заявлялась в шортах, в подъезде изнасиловали. Нечего задницей вилять направо-налево. У Вальки-ботаника от усердия обморок случился прямо на выпускном экзамене. Нечего умнее всех быть. А Ольга, гимнастка-медалистка, на отборочных соревнованиях ногу сломала. Нечего выдрючиваться. Скромнее надо быть, жизнь будто пальцем грозила выскочкам, точь-в-точь как Верина мама. Как и мама, Вера окончила Архивный институт, факультет делопроизводства. Мама утверждала: документы, как хлеб, – категория вечная, на их век хватит.

Самым страшным потрясением для Веры стала внезапная мамина смерть. Весной, когда они вместе гуляли в парке у себя на московской окраине, в нее впился клещ. Дома его, конечно, вынули, но он оказался энцефалитным,

мама заразилась. В Москве почти уникальный случай – такая смерть. Судьба словно злорадно усмехнулась напоследок и выбрала эту незаметную женщину.

Похоронив мать, Вера стала жить одна. Замуж она не хотела – насмотрелась на замужних. К тому же был у нее кое-какой опыт. Когда на работу первый раз устроилась, начальник отдела кадров проявил к робкой девочке свой интерес. Вера побоялась отбрить его, пожаловаться кому следует. Вздохнув, уступила. Потом, передергиваясь от отвращения, вспоминала его, потного, пыхтящего, краснорожего. Незнакомую боль «там» и жжение внутри. Он еще раз с ней переспал, но, увидев мученическое выражение бледного лица и крепко стиснутые зубы, с трудом доделал свое дело и сказал, что с «пионерками-героями» пусть имеют дело пламенные революционеры. Себя он к таковым не относил.

И еще был случай... В общем, опять оказалось противно и скучно, а потом к ней, слава богу, приставать перестали. Вере хотелось жить без отвратительных страстей и ненужных сожалений, спокойно, как мама. Но не получилось. Грянул очередной кризис и очередное сокращение. Надеяться Вере было не на кого. И помочь некому. Таких, как она – безымянных жертв банкротств и дефолтов, пруд пруди.

Вера отнесла в скупку несколько золотых безделушек, которые мама хранила на «черный день». Этого, при ее экономии, хватило на два месяца. Она уже решила сдавать одну комнату их малогабаритной двушки, но мысли о том, что рядом будет жить чужой, пугали.

Вера встала на учет на бирже труда, пробовала сама искать работу. Но дальше собеседований дело не шло. Близких подруг у нее не было, а у немногих знакомых своих забот хватало.

Это объявление она увидела в Интернете. На сайте «Работа ищет...» появилась новая информация: *«Совместное предприятие PLAZA предлагает женщинам НЕМОДЕЛЬНОЙ внешности от 30 до 55 лет высокооплачиваемую работу, связанную с выездом за границу. Свободный график»*. Объявление удивило. Во-первых, возрастной шкалой. Обычно требовались девушки до тридцати. И красоток почему-то просили не беспокоиться. Особо выделенное – «немодельной внешности» – Веру чрезвычайно обрадовало. Правда, был в рекламе среди плюсов единственный минус – работа высокооплачиваемая. Это настораживало. Вера никогда на таких работах не работала. Она их боялась. Как говорила мама, по деньгам и спрос. Спрос Веру пугал. Не потому, что она была безответственная, а потому, что беззащитная. И все-таки решила рискнуть, отправила по Интернету свое резюме, фото, заявление – все, что требовалось.

Спустя день ей позвонили, пригласили на собеседование. Она сидела на краешке стула, опасливо косясь на конкуренток – скорее всего, возьмут какую-нибудь из них. Наверное эту, расфуфыренную. Вера робко покосилась на крупную женщину в фирменном брючном костюме и шелковой цветастой кофте в стиле фолк.

«Расфуфыренную» звали Агния. Она держалась независимо и время от времени с презрением поглядывала на своих соседок. Какие-то зачуханные собрались. «Одна эта моль серая чего стоит, – покосилась она на Веру, – наверное, старая дева». Агния старой девой не была. Но не была и модной худосочной красоткой. Чувствовалась в ней языческая первозданная сила, как у вытесанной из дуба славянской богини. Кажется, припадешь к ней,

как богатырь к земле, и обретешь неодолимую мощь. К Агнии тянуло. Но если продолжить сравнение с землей, ее можно было назвать «запретной зоной». Жена перспективного городского чиновника, посторонних она к себе не подпускала. Как прилежный Победоносцев был неприметен до тех пор, пока не стала востребованной «русская идея», так и муж Агнии пошел в гору на волне ожившего национализма. Равнодушную и к политике, и к интрижкам на стороне, своевременный успех супруга и сопутствующие ему привилегии привлекали Агнию больше, чем сомнительные опасные связи. Она знала, в желающих занять пост жены ее мужа недостатка не будет. Однако сладок плод запретных страстей. Однажды она не устояла. Молоденький журналистик был так обаятелен, страстен и мил, а муж в политическом раже так далек от плотских радостей, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.